

Е. М. Миронова

Русская политическая делегация. 1919–1920 гг.

Лидеры антибольшевистского движения свято верили, что пролитая на полях сражений Первой мировой войны кровь дает России полное право участвовать в определении судеб послевоенного мира в стане держав-победительниц. В последние месяцы 1918 г. представителями не признавшего большевиков, но продолжавшего работать Русского заграничного дипломатического корпуса велась активная деятельность по созданию органа, от имени которого можно было заявить свои права на участие в Парижской мирной конференции. В январе 1919 г. в Париже было создано Совецание дипломатов и общественных деятелей, позднее переименованное в Русское политическое совещание (РПС) и под этим названием известное в историографии. Его деятельность была санкционирована провозглашенным в ноябре 1918 г. Верховным правителем России адмиралом А. В. Колчаком. В январе из состава РПС была выделена Русская политическая делегация (далее — РПД), формально для непосредственного участия в заседаниях конференции, фактически как «исполнительный орган», «Директория» при Совецании.

В свое время некоторое внимание ее истории уделил С. П. Мельгунов в работе, посвященной деятельности Н. В. Чайковского, ограничившись, впрочем, освещением конфликта, который имел место в Делегации по окончании деятельности РПС¹. К этому сюжету в наши дни вернулся А. В. Смолин².

В последние десятилетия исследователи все чаще обращаются к рассмотрению истории Парижской мирной конференции в связи с той ролью, которую она оказала на

Миронова Елена Михайловна
канд. ист. наук,
Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Гражданскую войну в России. Разумеется, авторы не могут пройти мимо факта существования Делегации. Однако упоминается она, как правило, формально: в монографиях и статьях говорится о ее создании, перечисляются ее члены, упоминаются ее заявления³. Отмеченное В. Ж. Цветковым отсутствие специального исследования деятельности Делегации в работах общего характера зачастую приводит к смешению понятий РПС и РПД, ей приписываются документы, не имеющие к ней отношения, допускаются серьезные ошибки в определении хронологических рамок ее деятельности⁴. Счастливым исключением, пожалуй, является публикация С. В. Листикова, посвященная представительству Белого движения на Парижской конференции⁵.

К участию в Мирной конференции Делегация допущена не была, ее влияние на рассмотрение международных вопросов было весьма скромным. Тем не менее ей было суждено длительное существование, она сыграла заметную, противоречивую и показательную роль в самом антибольшевистском движении.

В нашем исследовании использованы как опубликованные материалы (особое значение для раскрытия темы имеет переписка Б. А. Бахметева с В. А. Маклаковым⁶), так и архивные источники из отечественных и зарубежных хранилищ: Государственного архива Российской Федерации (далее — ГА РФ), Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Русского архива университета г. Лидс, Великобритания (далее — LRA).

Состав Делегации был сформирован в Париже без предварительной договоренности с Омским правительством. Главная роль в этом деле принадлежала, по-видимому, В. А. Маклакову, который считал чрезвычайно важным участие в ней представителей разных направлений общественных движений России. Таким образом, в качестве кандидатов в члены Делегации были названы: председатель РПС, премьер первого состава Временного правительства России, кадет, с 1912 г. прогрессист, руководивший в период войны деятельностью объединенного Земгора и Союза городов кн. Г. Е. Львов; председатель Северного правительства, дворянин по рождению, революционер по призванию, 67-летний эсер Н. В. Чайковский (он приедет в Париж позже, в феврале 1919 г.); известный думский оратор, юрист, один из лидеров кадетской партии, посол Временного правительства в Париже В. А. Маклаков; карьерный дипломат, министр иностранных дел Российской империи (1910–1916 гг.), назначенный Колчаком главой МИД в Омском правительстве С. Д. Сазонов. Позже, летом 1919 г., в состав РПД вошел пятый член — один из лидеров партии эсеров — Б. В. Савинков.

Формально в Делегации на начальном этапе как будто сохранялся паритет дипломатов и общественников. Но на самом деле по замыслу Маклакова важнейшее дело представительства страны на мирных переговорах выводилось из профессиональной дипломатической среды. Двое из членов Делегации были его коллегами по общественно-политической деятельности. Не так давно приобретенный им самим статус посла не мог изменить ни взглядов, ни мировосприятия думца, далекого от чиновничьей среды. Таким образом, в работе Делегации предполагалось участие одного карьерного дипломата — С. Д. Са-

зона, которому, судя по переписке того времени, отводилась роль технического советника: коллегия надеялась использовать его авторитет и связи в политической среде Европы.

В свою очередь, командование Вооруженных сил Юга России независимо от Омска и Парижа выдвинуло своих представителей для участия в Мирной конференции — С. Д. Сазонова и старейшину Русского заграничного дипломатического корпуса, посла в Италии М. Н. Гирса. Отмечая личное обаяние и связи С. Д. Сазонова в кругах высшей европейской дипломатии, руководство Добровольческой армии полагало, что «никто не имел больше данных для того, чтобы с нужным авторитетом представлять перед союзниками национальную Россию, чем бывший российский министр иностранных дел, участник, а иногда и инициатор всех крупнейших международных переговоров и соглашений, предшествовавших войне или сопутствовавших ей»⁷.

Неловкая ситуация сложилась с кандидатурой Михаила Николаевича Гирса. По полномочию от А. В. Колчака он возглавлял работу по созданию РПС в конце 1918 г.⁸ и в дальнейшем без возражений передал бразды правления прибывшему в Париж кн. Г. Е. Львову. Сейчас невозможно со всей определенностью сказать, обратился ли М. Н. Гирс к авторитету новоиспеченного министра, отстаивая свое право на участие в Делегации, или его отстранение не устроило самого С. Д. Сазонова. Он не мог не видеть неблагоприятный для себя расклад сил в создававшемся представительстве. Однако известно, что находившийся в Париже старейшина выехал навстречу назначенному министру к месту своей службы, в Рим. Там М. Н. Гирс ввел новообращенного начальника в курс дел. Результатом этих бесед стала телеграмма С. Д. Сазонова в Омск от 13 января 1919 г., в которой он предлагал назначить представителями на Конференции, помимо себя (его кандидатура не вызвала сомнений у лидеров движения в России), М. Н. Гирса, В. А. Маклакова, кн. Г. Е. Львова⁹. Именно в таком порядке. Необходимость назначения старейшины корпуса он обосновывал как наличием у него большого опыта, так и его тесными связями с политическими деятелями союзных государств. Кроме того, он обращал внимание омских властей на то, что генерал Деникин такие полномочия послу уже предоставил¹⁰.

17 января обращение министра было заслушано на заседании омского совета министров. Вопрос «в связи с возможностью суждений, не подлежащих оглашению», было решено рассмотреть на закрытом совещании¹¹. Почему предпочтение было отдано Н. В. Чайковскому, почему вообще встал вопрос о выборе, из протоколов Совета министров понять невозможно. В феврале, уже из Парижа, С. Д. Сазонов вновь напомним А. В. Колчаку о М. Н. Гирсе¹². И в начале марта, наконец, полномочия старейшине Корпуса были предоставлены. Задержка, как уверял А. В. Колчак, была вызвана недоразумением¹³. Решение Омска вольно или невольно запоздало. В сложившейся к тому моменту ситуации М. Н. Гирс в состав Делегации так и не вошел.

Нелегко приходилось и самому С. Д. Сазонову. Его давно и настойчиво призывали в Париж те, кто работал над подготовкой участия России в Мирной конференции¹⁴. Они рассчитывали, как уже отмечалось, на его авторитет, связи в политических кругах Европы. Но никто не ожидал, как писал биограф

кн. Г. Е. Львова, что правительства Колчака и Деникина пришлют его «в качестве своего человека, общего министра иностранных дел»¹⁵.

В Париже глава МИД сразу оказался в сложной ситуации: члены РПС настойчиво убеждали, что его имя одиозно для французской демократии, что изолированное выступление его невозможно, так как с ним никто из правящих кругов союзных стран разговаривать не станет...¹⁶ В это время участие России в мирном конгрессе еще представлялось возможным, и никак нельзя было развалить зыбкую конструкцию, которую представляло собой Русское политическое совещание. Дипломат предпочел не раскачивать ситуацию, не попытался опереться на авторитет предоставивших ему полномочия правительств. Оставив председательство за кн. Г. Е. Львовым, он вошел в состав Делегации рядовым членом, но в качестве министра иностранных дел.

А. В. Колчак пошел на поводу у «парижского центра», утвердив, с согласия А. И. Деникина, представительство России на Мирной конференции в целом и участие в ней левых деятелей *post factum*¹⁷. Союзники в это время все более низводили роль России до той, которой ее лидеры так опасались на стадии подготовки Конференции: из субъекта международных отношений она превращалась в «объект». Всего несколько месяцев назад руководители Белого движения полагали, что в случае, если их представителей не допустят на Конференцию на общих основаниях, предпочтительнее будет вообще отказаться от участия в ее работе. Но в реалиях зимы — весны 1919 г. для защиты интересов России пришлось использовать те возможности, которые предоставили державы-победительницы.

Русской политической делегации пришлось довольствоваться выступлениями в комиссиях, которые рассматривали вопросы дальнейшей судьбы территорий Российской империи и проявили готовность выслушать русскую точку зрения.

Делегация делала заявления, подготовлявшиеся РПС. Порой это были ответственные документы, входившие в противоречие со взглядами руководителей Белого движения внутри страны. Таков меморандум РПС по болезненному для Движения вопросу о национальностях. В поданном Конференции 9 марта и подписанном четырьмя членами РПД документе торжественно заявлялось, что Россия не представляет свое восстановление иначе, как через свободное сосуществование народов, которые ее составляют, на принципах автономии и федерализма, или даже при условиях, устраивающих обе стороны, на принципах независимости¹⁸. Обсуждение этой проблемы шло трудно и в РПС, и в Делегации. Россия была унитарным государством, ее истеблишмент принимал это как данность, и любые изменения в этом отношении давались чрезвычайно тяжело. Кроме того, руководители Белого движения в России были совершенно не готовы к такой постановке вопроса — меморандум не был с ними согласован. Делегации пришлось впоследствии долго оправдывать свое самостоятельное выступление.

Ожидания того, что правительство Колчака будет признано союзниками после подчинения Верховному правителю всех белых фронтов, действовавших в России, и Делегация, наконец, получит возможность принять участие в Па-

рижской мирной конференции, не оправдались. Как известно, союзники ограничились обещанием поддержки и помощи Белому движению.

Работа делегатов в этих обстоятельствах, как писал С. Д. Сазонов, свелась к поддержанию «связи с различными элементами, работающими на конференции, дабы иметь возможность передавать последней о наших пожеланиях и требованиях, когда затрагиваются наши интересы»¹⁹. Члены Делегации активно участвовали во встречах с иностранными политиками и журналистами, посещали политические салоны Парижа и приемы, порой кого-нибудь из них приглашали для консультаций главы союзных государств.

Сотрудничества внутри Делегации не сложилось. Тому были основания и общеполитического характера, и личные. Князь Г. Е. Львов и Н. В. Чайковский разделяли присущие русским общественным деятелям антагонизм и недоверие по отношению к государственному аппарату и его чиновникам. Министра они считали анахронизмом, осколком старого режима, полагали, что только они знают, как надо вести международные сношения в новых исторических реалиях.

Со своей стороны, С. Д. Сазонов весьма скептически относился к проигравшему крупную политическую игру в 1917 г. кн. Г. Е. Львову как политику. В. И. Савицкий в пасквиле об РПС и его основных деятелях приписывает С. Д. Сазонову следующую характеристику председателя Совещания: «Князь Львов — самый глупый человек, которого я знаю. По его вине Россия раз уже свалилась в пропасть. Ничего, кроме вреда, он не может принести ей в будущем. Разумеется, ничего общего между мною и Львовым быть не может и не будет»²⁰. Это сочинение имело широкое хождение по крайней мере на Юге России, и, говорил ли это в самом деле министр или нет, но до князя этот отзыв вполне мог быть доведен. Между тем сотрудничать Сазонову со Львовым, позиции которого были усилены сходящимся с ним в большинстве вопросов Чайковским, пришлось.

Интересен образ действий в этой ситуации В. А. Маклакова. Именно он на начальной стадии выступал за участие общественных сил в рассмотрении международных вопросов, именно он оказал, судя по всему, решающее воздействие на состав делегации... Но Василий Алексеевич скоро столкнулся с неумением общественных деятелей вести политическую работу, сомнением и нежеланием считаться с профессионалами, их неготовностью к компромиссам и, как результат, разрушительным воздействием на ведение дел. В это время, видимо, сказался опыт, полученный за год работы в дипломатическом корпусе. Не став для него «своим», он все же приобрел навык видения проблем в государственном масштабе. Борьбу кн. Г. Е. Львова и Н. В. Чайковского против министра иностранных дел он не поддержал. Показательно, что и общественные круги в 1919 г. посла за «своего» уже не признавали. Складывается впечатление, что В. А. Маклаков в сложившейся ситуации как-то ступешался, занял позицию стороннего и ироничного наблюдателя.

Атмосфера в Делегации в миниатюре отражала положение дел в Совещании и в Белом движении в целом. Четверо ее членов, каждый из которых был патриотом, сходились, как, впрочем, и все антибольшевистское движение, в неприятии большевиков и Советской власти, стремлении сохранить Россию

и возродить ее величие. Однако на этом единство заканчивалось. Будущее страны каждый видел по-своему, так же, впрочем, как и пути, достижения этого будущего; всякий поставленный на повестку дня вопрос вызывал ожесточенные споры, новые осложнения.

Между тем перед Белым движением один за другим вставали серьезные политические вызовы. Первым пробным камнем для РПС и РПД стал вопрос о конференции на Принцевых островах. Союзники отложили решение об участии России в Парижской конференции до рассмотрения сложившейся ситуации на встрече представителей всех активных сил, действовавших на тот момент на территории страны, включая большевиков. Это решение вызвало возмущение и дружное неприятие всего антибольшевистского лагеря. Не стало исключением и представительство в Париже. Но если дипломатическая его часть была профессиональна, понимала пределы возможного, умела работать со специфическим материалом и анализировать действия контрагентов, то общественники, которые зачастую впервые оказались вовлечены в сферу международных сношений, «рвались в бой», не умея предугадать последствия предпринятых шагов, разгадать контригру противника, и нередко совершали серьезные ошибки.

В январе 1919 г. серьезную проблему создал кн. Г. Е. Львов: получив информацию от англичан о разработке проекта этой конференции, он по непонятным причинам не поставил об этом в известность коллег по РПС или Делегации, лишив таким образом русскую дипломатию возможности попытаться предотвратить неблагоприятное развитие событий.

А в начале февраля конфликт спровоцировал уже Н. В. Чайковский. Только что приехавший в Париж председатель Временного правительства Северной области после публикации в Париже ответа большевиков по поводу Принкипо выступил за подготовку такового от имени РПС. Пропустив все предыдущие обсуждения этой проблемы в Советании, он не понимал ни ситуации, ни тактики дипломатов в сложившихся обстоятельствах, настаивал на том, что нельзя отмалчиваться, утверждал, что «облекаться в обиженную гордость — плохая политика». Ему возразил С. Д. Сазонов, указавший, что к РПС, собственно, никто не обращался и никаких ответов, вследствие этого, не ждет. Реагировать же, «как большевики, и ставить себя на одну доску с большевиками» он считал неуместным. После сложного и длительного обсуждения министр предложил компромисс. Не изменив своей точки зрения, он выразил готовность пойти навстречу Советанию и выработать текст с тем, чтобы в «законченном виде сообщить его *для сведения*» (курсив мой. — Е. М.). Оппонентам, возмущенным такой постановкой вопроса, глава МИД прямо заявил, что «текст должны выработать ответственные люди, а таковым он считает только себя. Безответственная коллективная выработка текстов только затягивает дело и никакого результата не способна дать»²¹. Конфликт обострялся.

Несмотря на допускаявшиеся ими промахи, ни кн. Г. Е. Львов, ни Н. В. Чайковский не видели препятствий на пути своей международной деятельности, не считали необходимым прислушиваться к профессионалам, более того, возмущались стремлением С. Д. Сазонова забрать руководство внешней политикой

движения в свои руки. Н. В. Чайковский в своей записной книжке в это время отметил: «Сазонов претендует на единоличное...сношение с Мирной конференцией. Общественники возмущены»²². В начале мая напряжение достигло пика: язвительным письмом министр сообщил кн. Г. Е. Львову о своем выходе из Делегации²³. Однако ситуация была такова, что ему пришлось пересмотреть свое решение. Пока по документам не прослеживается, когда и каким образом был достигнут компромисс, но он определенно был достигнут, что дало возможность Делегации существовать далее. Но это было шаткое, постоянно нарушавшееся перемирие.

После подчинения Омскому правительству белых правительств и фронтов в России дальнейшее существование РПС потеряло смысл. 5 июля 1919 г. Совещание само поставило вопрос о прекращении своей деятельности. Верховному правителю был отправлен запрос о продлении полномочий только для Русской политической делегации в качестве представительства на Мирной конференции²⁴. Телеграммой от 8 июля Делегация объявила, что должна иметь организацию, аналогичную тем, какие имели представительства прочих государств, т. е. состоять из формально уполномоченных правительством и ответственных перед ним делегатов, с техническими при них комиссиями и советниками²⁵. А. В. Колчак утвердил решение о закрытии РПС и продолжении работы Делегации, включив в ее состав Б. В. Савинкова. При этом он выразил пожелание по возможности ограничить ее технические отделы²⁶.

Члены РПД признали, что создавать или сохранять громоздкую и дорогостоящую структуру при том, что Россия не участвовала в мирном процессе, было неразумно и бесперспективно. Вместо этого они предложили Омску план реорганизации всего русского представительства в Париже. В своей работе РПД предполагала опереться на уже существовавшие в отдельных отраслях управления Белого движения аппараты главных уполномоченных, назначаемых правительством и ответственных только перед ним. К компетенции этих учреждений относились задачи согласования потребностей отдельных частей России и координации деятельности подведомственных заграничных агентств. Члены Делегации особо подчеркивали, что фактически такой способ управления уже опробован МИД, военным ведомством, министерством финансов, торговли и промышленности, главы или полномочные представители которых работали в Париже. Кроме уже существовавших, они полагали необходимым создать посты главных уполномоченных по делам продовольствия и пропаганды. Все управления должны были быть объединены работой одного юрисконсульта, на должность которого предполагалось назначить М. С. Аджемова. Кроме того, задумывалось создание совета экспертов по финансовым и промышленным вопросам для участия в подготовке сложных и ответственных решений. За собой Делегация хотела оставить право надзора и приостановки исполнения решений для представления правительству; никаких исполнительских функций при этом она на себя не брала²⁷. Таким образом, ее члены стали претендовать на контроль за всем заграничным представительством антибольшевистской России, т. е. дипломатическими, финансовыми, военными агентствами. По сути, А. В. Колчаку было предложено поступиться частью своих прерогатив в пользу

парижского центра, который должен был занять в Белом движении положение силы, равнозначной Омскому правительству, а значит стоящей над всеми остальными белыми правительствами. Сложно представить, как бы сказалось обретение таким центром полномочий контроля на всем Заграничном представительстве. Но не вызывает сомнений, что дипломатическому ведомству, к сфере деятельности которого общественники имели особое пристрастие, грозила дезорганизация, а возможно, и крах.

Черновик одной из июльских телеграмм РПД как нельзя более ясно демонстрирует умонастроения ее общественной части. Начав излагать справедливую мысль об истечении в связи с окончанием работы Мирной конференции своих полномочий, составители телеграммы остановились и слова о самоликвидации вычеркнули. Вместо этого они посчитали необходимым указать, что с этого момента главноуполномоченные должны будут работать в контакте с послом во Франции, т. е. В. А. Маклаковым²⁸. Таким образом, политические интриги и неприятие лично С. Д. Сазонова привели их к абсурду в бюрократической сфере: министр иностранных дел оказывался низведенным до уровня технического руководителя дипломатическим корпусом и в определенной степени подотчетным своему подчиненному — одному из послов.

Видимо, Омское правительство было ошарашено этим предложением. А. В. Колчак давно с подозрением смотрел на попытки парижского центра расширить свои полномочия до правительственного уровня. На рассмотрение Совета министров этот вопрос вынесен не был. Контроль и руководство за деятельностью органов Русского заграничного представительства (дипломатического, военного и экономического) верховный правитель предпочел сохранить за своим правительством²⁹. Однако общественная часть Делегации не смирилась с этим решением. 2 октября РПД выступила с новой инициативой установить государственный контроль за всеми русскими учреждениями в Париже и предложила правительству утвердить на роль его организатора предложенного ею кандидата или поручить Делегации найти и пригласить иное лицо³⁰.

В конце июля делегаты разъехались из Парижа, и, как пишет В. А. Маклаков, дипломатическая деятельность вошла в нормальное русло — в течение целого месяца ее вели С. Д. Сазонов и его помощник М. Ф. Шиллинг³¹. По возвращении ее членов из поездок Делегация как таковая собираться перестала. Впрочем, С. Д. Сазонов ввел в правило два раза в неделю собирать дипломатические совещания, куда РПД приглашалась в полном составе. Заседания эти проходили под его, как министра иностранных дел, председательством. «О Делегации совершенно забыли и даже как будто надобности в ней не встречали. ...наши нотабли усмотрели, не без неудовольствия, — иронизировал В. А. Маклаков, — что дела идут и без них»³². Однако «общественники» скоро опомнились, осознали, что власть уходит из рук, и постановили... вернуться к отдельным заседаниям Делегации под руководством кн. Львова³³. «После долгих прений, — продолжал В. А. Маклаков в письме Б. А. Бахметеву, — где были пущены в ход все аргументы и произнесены пламенные речи против обломков старого порядка, не понимающего современных потребностей, — реформа была произведена. Кроме Дипломатического совещания... стала

заседать Делегация из тех самых лиц, но уже за зеленым сукном и под председательством кн. Львова»³⁴.

В общем, как писал очевидец (скорее всего, В. А. Маклаков), положение не только не улучшилось, но все более обострялось. «Сначала с упразднением Политического Совещания казалось, что работу Делегации будет легче наладить, но вскоре пришлось убедиться, что так же, как 15 человек, так 4 или 5 трудно объединить». Не способствовало умиротворению, по мнению наблюдателя, и назначение Б. В. Савинкова пятым делегатом. Но вот в чем автор записки совершенно ошибся, так это в том, что выразил сомнение в продолжительном существовании «этого представительного органа»³⁵.

Впрочем, целиком доверять эпистолярному наследию В. А. Маклакова не приходится. В своих «отчетах» Б. А. Бахметеву он не стремился к полному и всестороннему раскрытию положения, а в письме от 7 октября, видимо, увлекся сарказмом.

Записные книжки Н. В. Чайковского, которые политик писал исключительно для себя, приоткрывают другую сторону дела. С. Д. Сазонов не был «агнцем на заклании». Воспользовавшись изменением ситуации, он перешел в наступление, отстаивая свои прерогативы. Одновременно министр постарался определить пределы компетенций, своей и Делегации. В записи, датированной 24 августа, Н. В. Чайковский фиксировал слова С. Д. Сазонова о том, что тот не считает Политическую делегацию преемственной Политическому совещанию; участие Политической делегации *ex officio* в дипломатической работе признавать отказывается, за исключением вопросов Мирной конференции; в дипломатические совещания членов РПД приглашает с правом совещательного голоса (исключая вопрос Мирной конференции, и то с его правом *veto*)³⁶. В частном письме одному из своих корреспондентов Н. В. Чайковский следующим образом описывал сложившуюся ситуацию: «Пока Политическое совещание заседало, Сазонов молчал, но теперь, когда Совещания нет и осталась только Политическая делегация... он выпустил когти и решил проглотить ее своим министерством. Произошел конфликт, и теперь решается вопрос о том, кто останется здесь — мы (трое + Маклаков) или он с Маклаковым. Посылается в Омск решительная телеграмма...»³⁷

Действительно, 23 сентября, осознав угрозу потери своего влияния на дела, Г. Е. Львов, Н. В. Чайковский и Б. В. Савинков, несмотря на тяжелое положение, которое складывалась на фронте, направили А. В. Колчаку ультиматум. Они потребовали отстранить министра от руководства внешней политикой, в противном случае грозили своей отставкой.

Анализ этой телеграммы показывает, что никаких конкретных претензий собственно к деятельности министра «бунтовщикам» выдвинуть не удалось. Аргументируя необходимость его отстранения, триумvirат ссылаясь на две важные проблемы, с которыми столкнулось Белое движение. Первая была связана с признанием правительства Колчака. В этом отношении они повторили уже много раз звучавшие тезисы о недоверии по отношению к С. Д. Сазонову общественного мнения и истеблишмента союзников, которые, по уверениям авторов документа, видели в нем признак реакционности омской власти. Вторая

заклучалась в необходимости борьбы за сохранение территории России, чему мешало «острое недоверие крайних народов к личности министра»³⁸, как «к руководителю дипломатии царского правительства»³⁹.

Слабо верится, что маститые политики не видели иных причин уклонения союзников от признания Омского правительства и стремления национальных окраин к независимости. В этой телеграмме вообще много лукавства. Так, авторы заявляли, что «восемь месяцев они отстаивали единение во имя спасения Родины; защищали участие Сазонова в представительстве, стремились работать с ним в согласии». Триумвират выдвинул против министра обвинение «в *сосредоточении в своих руках всей полноты заграничного представительства*» (курсив мой. — Е. М.). Однако непонятно, что имелось в виду под этим заявлением. Если под этим понимать представительство во всем его многообразии (финансовое, торговое, военное и т. д.), то документально подтвердить претензии министра на контроль за ним до сих пор не представляется возможным. Если речь шла о собственно Заграничном дипломатическом корпусе, то это была его прямая прерогатива. Показательно, что, потребовав отстранения министра, общественники не нашли нужным сформулировать свое видение правильного руководства внешними сношениями. Было неясно, стремились ли они к замене С. Д. Сазонова на посту министра иностранных дел более удобной для себя фигурой или к отмене должности в целом⁴⁰. На некоторые размышления, впрочем, может навести содержащееся в телеграмме указание на возможность продолжить дипломатическую работу без Сазонова в условиях существования таких «выдающихся сил», как Гирс, Маклаков и др.⁴¹ М. Н. Гирс, как ни странно, был «фаворитом» Б. В. Савинкова, который, «не обинуясь», рассматривал его как лицо более «живое» и менее «старорежимное», чем С. Д. Сазонов. Думается, что в этом вопросе триумвират также лукавил, и вряд ли среди современников, тем более хорошо знавших старейшину корпуса чиновников ведомства, они бы нашли сочувствие. В профессиональной среде Михаил Николаевич Гирс считался «дипломатом безупречной старой школы», коллеги отмечали его образцовую исполнительность и... несамостоятельность⁴². Видимо, оппонентам С. Д. Сазонова М. Н. Гирс представлялся более слабой политической фигурой, продемонстрировавшей готовность к компромиссам и уступкам, склонной оставаться в тени. Что касается В. А. Маклакова, то он обладал небольшим опытом дипломатической деятельности и сам понимал это. Кстати сказать, к этому моменту он для себя разграничил профессиональную сферу и общественно-политическую деятельность — к «бунту» Делегации он не присоединился. О том, кто подразумевался под «другими», можно только догадываться.

Главную причину конфликта, что интересно, обе стороны видели одинаково. Общественники жаловались на то, что «Делегация лишена всяких полномочий»⁴³. А их оппоненты (Сазонов, Гирс, Маклаков) послали в Омск свою телеграмму, в которой причина недоразумений усматривалась в «неясности полномочий Делегации и ее отношения к министру»⁴⁴.

В заявлении триумвирата присутствовало и еще одно положение, которое грозило серьезными осложнениями международному положению Движения. Было выражено недовольство тем, что дипломатическая работа велась «почти

(слово вписано от руки в печатный текст. — Е. М.) исключительно слугами старой России»⁴⁵. Так как другими профессионалами в этой сфере деятельности антибольшевики не располагали, естественно предположить, что следствием обретения Делегацией контроля за ведомством стало бы активное обновление его состава людьми, слабо представлявшими себе специфику его деятельности.

В Омске приняли решение, которое следует, по-видимому, охарактеризовать как иезуитское. А. В. Колчак выразил полное доверие С. Д. Сазонову, который, как еще в июне писал П. Б. Струве, единственный из влиятельных лиц в русском Париже отстаивал чисто патриотическую точку зрения и проводил «верную, государственную и русскую» политику⁴⁶.

Одновременно Омск счел нужным сохранить РПД в прежнем составе и с прежней компетенцией. Биограф кн. Г. Е. Львова Т. Е. Полнер охарактеризовал это решение как «убийственное»⁴⁷. Ограничение функций Делегации защитой интересов России перед Мирной конференцией, в работе которой она участия не принимала, как вполне справедливо считали общественники, делало ее фикцией⁴⁸. Думаю, Верховный правитель в полной мере понимал последствия принятого им решения. Но с одной стороны, ему нужны были общественные силы в Париже, которые придавали демократический флер его правительству, с другой — он не мог доверить непрофессионалам свою внешнюю политику. Не менее существенны были опасения Омска в отношении претензий парижского центра на самостоятельную роль — ранее эти подозрения относились к РПС, теперь они могли быть перенесены на Делегацию. Впрочем, по-видимому, осознавая степень напряженности в сохраненном его волей учреждении, колчаковское правительство предпримет определенные усилия, чтобы разрядить обстановку и ослабить противодействие общественников в его составе министру иностранных дел. В октябре 1919 г. Н. В. Чайковскому будет предложено в ранге члена Совета министров возглавить в Омске подготовительную комиссию по законодательной подготовке Всероссийского учредительного собрания и областных представительных учреждений⁴⁹. Однако в колчаковскую столицу старый революционер не попадет.

Делегация попыталась отстоять свои претензии на главенство: в проекте телеграммы (помеченной как «неотправленная») ее члены настаивали на том, что совершенно необходимая в Париже защита русских интересов не ограничивается вопросами «ликвидации войны» и заключения мира: «она вызывается необходимостью интенсивного строительства во всех главных сторонах государственной жизни»⁵⁰. В частности, в области снабжения армии, организации товарообмена, государственного кредита, транспорта и международных отношений. Здесь, по их мнению, постоянно возникали все более сложные и важные комбинации русских и союзных частных и правительственных интересов, требовавшие немедленного реагирования, отзывов и разработки прежде представления их на усмотрение и разрешение правительства.

Успех такой работы, с точки зрения триумвирата, требовал «незаинтересованного и компетентного контроля общественного характера»⁵¹. На каком основании часть членов РПД именно себя рассматривали в качестве

эффективных контролеров, способных дать компетентные заключения во всех областях внешних сношений Движения, они не поясняли. Зато были уверены, что одних органов обычной дипломатической организации для этого в сложившихся обстоятельствах совершенно недостаточно.

Неизвестно, какую телеграмму в результате получил А. В. Колчак, но ответ был прежний⁵². Омское правительство осталось последовательным в вопросе руководства своей внешней политикой. Из этого конфликта С. Д. Сазонов вышел победителем⁵³. Попытка «левых» членов РПД перехватить контроль за ведомством, грозившая полным развалом дипломатического аппарата, провалилась⁵⁴.

В сложившейся ситуации, сохранив свои формальные прерогативы, Делегация оформила новую структуру. При ней были созданы вспомогательные совещательные органы — отделы: политический во главе с юристом-международником бароном Б. Э. Нольде; юридический, который возглавил М. С. Аджемов; и финансово-экономический под руководством П. Л. Барка⁵⁵. Был выработан определенный *modus vivendi*, способ существования и деятельности новой организации.

В частности, члены Делегации получили доступ к дипломатической переписке. Так, в фонде Н. В. Чайковского (ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1) хранятся подборки копий телеграмм министра и посольства в Париже адмиралу Колчаку, ген. Деникину и Юденичу, Миллеру и представителям в разных странах. Более того, в отделе «Дипломатический архив» фонда Земгора Русского архива г. Лидса нами обнаружена тетрадь, озаглавленная «Телеграфный журнал Российской Делегации в Париже». Включенные в него телеграммы охватывают период с 27 сентября по 17 октября 1919 г. Сообщения эти вовсе не были адресованы собственно Делегации — это часть, осколок общего массива переписки, которая велась в то время по дипломатическим каналам. Обращает на себя внимание то, что передававшиеся РПД материалы в основном посвящены вопросам финансов и снабжения⁵⁶.

Несмотря на продолжавшееся противостояние внутри Делегации, обращения к Парижской мирной конференции, ее руководству делались от имени всех ее членов. В сентябре Делегация возобновила кампанию за международное признание Омского правительства и инициировала образование комиссии для наблюдения за исполнением Германией и Австрией заключенных ими договоров с союзниками в частях, затрагивающих интересы России⁵⁷; направила руководящим органам Антанты меморандум по вопросу обеспечения охраны Китайско-Восточной железной дороги Америкой и Японией⁵⁸ и по Турецкому вопросу⁵⁹. Также РПД в этот период удалось согласовать общую позицию в отношении восточных границ Польши на случай возвращения Конференции к рассмотрению этого вопроса⁶⁰. Продолжила РПД политическую деятельность и в следующем, 1920 г. В январе она подготовила текст письма правительствам союзных стран по поводу ареста адмирала А. В. Колчака; в марте заявила протест руководящим органам Мирной конференции по поводу удовлетворения румынских притязаний на Бессарабию; в апреле — Совещанию послов⁶¹ о конфискации польским правительством майоратов, принадлежавших русским

гражданам⁶². Летом 1920 г. Делегация повела борьбу с попытками Советского правительства вырваться из изоляции за счет направленных за рубеж экономических инициатив. В специально подготовленных нотах она указывала на «подводные камни» этих планов⁶³.

Однако иллюзорное представление о нормализовавшейся ситуации развеивает донесение военного представителя Добровольческой армии во Франции генерала Д. Г. Щербачёва А. И. Деникину. В ноябре 1919 г. он писал, что присутствие в Париже министра иностранных дел, Делегации и посла уменьшает значение каждого из этих органов, даже при наличии единства между ними. «Между тем, — сетовал генерал, — ...по их же словам, идут пререкания; критикуют неправильные взгляды и ошибки друг друга; причем наиболее грустно то, что это не остается в стенах посольства». Для исправления положения Д. Г. Щербачёв считал желательным объединить дипломатическое представительство в Париже, возложив на одно лицо обязанности представителя при союзных правительствах и посла при французском Правительстве⁶⁴. Делегации в его конструкции места вообще не находилось.

Тем не менее на рубеже 1919–1920 гг., в смутной обстановке поражений белых фронтов в России, Делегация неожиданно приобрела статус некоего центра антибольшевистской борьбы. С ее новым положением согласился даже Заграничный корпус, вновь, как и в 1918 г., лишившийся опоры на родине. Так, назначенный поверенным в делах в Англии Е. В. Саблин в мае 1920 г. предложит свой проект создания Крымского, независимого от большевиков, образования на рассмотрение министру «совместно с членами делегации и иными лицами, принимающими участие за границей в воссоздании нашей родины»⁶⁵. К. Д. Набоков, находившийся в оппозиции к министру, решил отказаться от назначения главой представительства в Норвегии и сообщил об этом через В. А. Маклакова Политической делегации⁶⁶.

В значительной степени приобретению Делегацией влияния посодействовало обретение ею в конце декабря 1919 г. контроля над частью финансов Движения⁶⁷. Решение, как писал В. А. Маклаков, не лучшее, но другого «общерусского» политического органа тогда просто не существовало⁶⁸. Позднее, в обстановке поражения белых фронтов, Делегация, при участии министра финансов М. В. Бернацкого, постановит, что все денежные суммы местных русских правительств после прекращения их деятельности должны поступать в общий фонд, хранение которого было возложено в Америке на С. А. Угета, на Дальнем Востоке — на К. К. Миллера, в Европе — на К. Е. Замена⁶⁹.

То, что из этого получилось, дает хорошую иллюстрацию тезису о независимом и компетентном общественном контроле. Деятельность РГД в финансовой области дала новый повод В. А. Маклакову поупражняться в ироничных комментариях.

Так, описывая Б. А. Бахметеву недовольство, которое вызвали попытки Делегации экономить средства, он заключал: «...зная, что такое Делегация, Вы понимаете также, что задача эта была ей не по плечу и что на каждую разумную меру она принимала не менее десяти глупых»⁷⁰. В конце концов, по его словам, работа РГД с поступающими к ней запросами на выдачу средств свелась

не к рассмотрению требований по существу, а к тому, что она стала «торговаться» по поводу размера суммы в каждом отдельном случае.

Ограниченность фондов и ставшая очевидной невозможность рассчитывать на скорое пополнение их из России делали необходимым сокращение значительно и зачастую необоснованно разросшегося Заграничного представительства. Эту неблагодарную задачу также с легким сердцем приняла на себя Делегация. По сути, не права ли контролировать его она добивалась долгие месяцы? Теперь эта возможность ей была предоставлена. Однако разработка новой структуры представительства и его сокращенного штатного расписания требовали кропотливой бюрократической работы. Делегация же, как выяснилось, свою задачу видела вполне ограниченно. Она не стала списываться с посольствами в разных странах и выяснять состав представительств и степень необходимости для работы наличного состава. Вместо этого РПД стала, по выражению В. А. Маклакова, «наседать» на руководителей ведомств и получила закономерный результат.

Не было сделано исключения и для учреждений, подведомственных МИД. Заявив о готовности урезать собственное жалование, министр устранился от работы по сокращению ведомства. Для подготовки решений по этому вопросу была создана комиссия под руководством барона Б. Э. Нольде. Она также не стала советоваться по этим вопросам с главами представительств, поставив всех их перед фактом нового урезанного штатного расписания. Кроме того, «элегантным» ходом в худших бюрократических традициях, утвердив ряд общих положений о составе служащих, она в вопросе об их жалованье ограничилась словами «узаконенное содержание». И Делегация, ориентируясь на видимое сокращение сметы ведомства, одобрила его, не став рассматривать проект по существу. «А затем на подпись Сазонову было представлено особое “разъяснение”, согласно которому это “узаконенное содержание” исчислялось следующим образом: из рублей переводилось в фунты по старому курсу, а из фунтов в местную валюту — по-новому. В результате жалование в Париже, например, возросло в 2,5 раза»⁷¹. В. А. Маклаков, как анекдот, передает факт, что он сам, член Делегации, первым выступил с протестом против уже утвержденной ею схемы. Вопрос был пересмотрен, размен на фунты отменен⁷².

Решения РПД о сокращениях личного состава, само собой, больно ударили по Заграничному корпусу. В Париж посыпались телеграммы с запросами о корректировке Положения в зависимости от местных условий, не учтенных при его составлении; просьбы за тех или иных попавших под удар чиновников.

Фактическая обстановка складывалась таким образом, что сокращение всего представительства в странах ложилось на послов. И тут вдруг Делегация решила вмешаться в процесс, в частности в США. Б. А. Бахметев с недоумением писал, что посольство стало получать телеграммы и даже предписания, в которых РПД устанавливала содержание чинов финансовой части, циркуляры, касавшиеся закрытия консульств. Всю эту «деятельность» посол охарактеризовал как смехотворную⁷³. Последней каплей, вызвавшей его резкую отповедь, стал запрос кн. Г. Е. Львова, обращенный к заместителю торгового агента, о предположениях по дальнейшему финансированию агентства. «Самостоятельное

выступление вашей четверки используется здесь, — писал Б. А. Бахметев В. А. Маклакову, — всеми теми, кто в своих личных интересах хочет сеять смуту и создавать препятствия»⁷⁴. Возможность успеха подобного действия он не допускал, так как в его руках находились и деньги, и «ключ к положению каждого официального россиянина» в стране; но считал, что «напаковать» могут вполне. С раздражением он телеграфировал в Париж: «Прошу передать князю, что сношения с официальными учреждениями, фактически подчиненными посольству, помимо последнего, вносят смуту и беспорядок. Непосредственные сношения Парижа затрудняют мою работу, особенно [в] случаях, где прерогативы посольства держатся на факте, а не на законе... Надеюсь, что князь согласится с моей точкой зрения и телеграфно ответит, что в дальнейшем всякие сношения будут происходить через меня и никакие решения, касающиеся Америки, не будут приниматься без моего ведома и согласия»⁷⁵. Посол запросил полномочия на проведение реформы представительства в США. В личном письме В. А. Маклакову он просил о поддержке: «...если необходимо получить известные права от Делегации, Вы убедите сие учреждение мне их предоставить»⁷⁶. Официально, однако, он обратился на имя министра (С. Д. Сазонова) и в дальнейшем переписку по всем связанным с сокращениями вопросам вел только с ним⁷⁷.

Занятая активной, хоть и неплодотворной деятельностью финансового и организационного характера, Делегация никак не восполнила возникший в начале 1920 г. политический вакуум. Анонимный автор, аналитическая записка которого сохранилась в фонде К. Н. Гулькевича (ГА РФ. Ф. 6094), писал: «Политическое совещание⁷⁸ в Париже (Сазонов, Маклаков, Львов) не пользуется никаким влиянием. Никакой определенной политики у них нет. Сейчас обнаруживают полную растерянность, недостаток понимания — что делать дальше. Никаких директив другим представителям не дают»⁷⁹. В личном письме В. А. Маклакову в конце февраля 1920 г. к этой оценке присоединился Б. А. Бахметев⁸⁰. Все большшему кругу политиков становилось ясно, что «Русская делегация в той ее форме, как она существует сейчас, не соответствует создавшемуся положению»; предполагалось, что она просуществует не более чем до 1 марта⁸¹.

Так и не переломив ситуацию, Делегация дождалась перехода власти на Юге России к П. Н. Врангелю. Новый командующий сместил С. Д. Сазонова, представительство русских интересов на Конференции передал В. А. Маклакову⁸², а «Делегацию... в Париже, — как сообщал дипломатический представитель в Константинополе, — посчитал прекратившей свое существование»⁸³. Против РПД зрело недовольство в среде русской общественности. П. Б. Струве, возглавившему управление внешних сношений в правительстве Врангеля, настоятельно рекомендовали «не стравливать народные деньги на кормежку... всей непутевой Парижской делегации с ее никчемными ответвлениями»⁸⁴. Но и этот кризис РПД пережила. Всего несколько дней спустя, 22 апреля, министр финансов нового правительства М. В. Бернацкий, сообщая о своем скором отъезде в Париж, просил членов Делегации не принимать принципиальных решений до выяснения с ним общей обстановки⁸⁵.

РПД не без внутреннего сопротивления вынуждена была смириться с новыми обстоятельствами. Н. В. Чайковский писал, что «после отставки

ген. Деникина и назначения на его место главнокомандующим ген. Врангеля и при отсутствии каких-либо других антибольшевистских русских правительств, представители Врангеля — Бернацкий и Струве, находящиеся здесь (в Париже. — *Е. М.*), волей-неволей становятся в положение органов всероссийской власти и пытаются наложить руку на все обломки общерусского государственного аппарата». РПД он считал носителем «морального авторитета, а не власти», и сетовал, что для того, чтобы «выполнять общерусские функции, ей приходится существовать рука об руку с представителями ген. Врангеля»⁸⁶.

Делегация как таковая просуществовала до конца 1920 г. В период правления П. Н. Врангеля ее деятельность особо не заметна. В это время произошли изменения в ее составе. Лишился полномочий С. Д. Сазонов. На его место никто из представителей дипломатического корпуса введен не был. В начале года Париж покинули Н. В. Чайковский и Б. В. Савинков — они участвовали в переговорах в Польше. Первый по их окончании перебрался на юг России, где принял предложенный ему пост в сформированном в Новороссийске Южнорусском правительстве⁸⁷. Б. В. Савинков же в мае 1920 г. окончательно осел в Варшаве. Таким образом, постоянно в Париже находились только кн. Г. Е. Львов и В. А. Маклаков. Впрочем, Н. В. Чайковский не задержался на юге России, уже весной 1920 г. он вернулся во Францию.

Трагические обстоятельства эвакуации из Крыма Делегация попыталась использовать для возрождения своего влияния. 17 ноября в «Последних новостях» была опубликована ее декларация. Этот текст, надо думать, в полной мере отражал представления и чаяния инициатора выступления — Н. В. Чайковского: «Борьба не может остановиться, — утверждалось в заявлении РПД, — она будет продолжаться» окраинами и крестьянами. Что дало основания для подобных выводов — непонятно, но в обращении была выражена уверенность, что «среди лесов и болот Белоруссии, в степях Украины, на Поволжье, на востоке и севере — повсюду поднимается крестьянство и призывает на борьбу с большевистской властью за свои земли, веру и волю, за союз всех народов России в федерацию, за полное народоправство»⁸⁸. «Дедушка русской революции» сам считал и сумел убедить своего коллегу кн. Г. Е. Львова в том, что такое движение существует, а главное, что оно требует «объединения, руководства и помощи». Заканчивалось обращение сакраментальной фразой: «Делегация остается на своем посту». В. А. Маклаков уверял, что подписал декларацию «без всякого энтузиазма»⁸⁹.

Русская колония в Париже отреагировала на эту публикацию на редкость единодушно: она дружно выразила негодование по поводу того, что Делегация посмела обнаружить «признаки жизни и брать на себя какую-либо инициативу»⁹⁰. Однако Н. В. Чайковского это не остановило, и несколько недель спустя по его инициативе РПД издала воззвание о партизанской войне в России. В. А. Маклаков, отдавая себе отчет в его провокационном характере, вновь пошел на поводу у коллег, оправдываясь тем, что не желал «в этом вопросе говорить только “нет”, когда не имел предложить ничего положительного»⁹¹. Сам он считал более важным и справедливым в сложившейся ситуации выразить благодарность П. Н. Врангелю за попытку спасти государство. Однако, как и

в других случаях, проявить волю, настойчивость в решении верно поставленной задачи не сумел⁹².

Таким образом, Делегация пережила свой век. «Я никогда не думал, — писал В. А. Маклаков, — что Делегация, в создании которой в свое время я был столь повинен, окажется столь живучей, — и, может быть, даже слишком»⁹³. «Нет сомнения, — подхватывал тему в начале 1921 г. М. Н. Гирс, — что со времени подписания мирных договоров смысл существования Делегации терялся. Она, однако, никогда не закрывалась, но постепенно умирала. Она давно уже не собирается и никакого участия в делах не принимает. Не думаю, чтобы ее деятельность вновь когда-нибудь могла оживиться, хотя по нынешним временам ручаться за это нельзя»⁹⁴.

Русской политической делегации по не зависевшим от нее обстоятельствам не дано было сыграть ту роль, для исполнения которой она была создана — в Парижской мирной конференции она участия не приняла. Будучи сформирована из людей, представлявших, с одной стороны, общественные организации, а с другой — чиновников-государственников, она так никогда и не обрела единства. Объединяющими факторами для всех ее членов стали антибольшевизм и противостояние попыткам расчленить территорию России. Но в методах, в выборе тактики, в видении будущего России члены РПД сойтись так никогда и не смогли. Приходится признать, что немалую роль в разгоревшейся внутри нее борьбе играли традиционные предубеждения русской общественности против чиновников, помноженные на личные амбиции. Не найдя себе применения на международной арене, общественно-политические деятели РПД предприняли ряд попыток превратить ее в своего рода зарубежный центр Белого движения. Однако, оказавшись на несколько месяцев в таком статусе, показали свою несостоятельность. Анализ деятельности этого своеобразного органа эпохи Гражданской войны дает возможность на очень ограниченном материале рассмотреть многие проблемы, которые были присущи Белому движению в целом, пороки, оказавшие в конечном итоге пагубное воздействие на его судьбу.

¹ Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929. С. 130–133.

² Смолин А. В. У закрытых дверей Версальского дворца. СПб., 2017. С. 207.

³ Нам И. В. Международные аспекты национальной политики российского правительства (ноябрь 1918 — 1919 г.) // Вестник Томского университета. 2008. № 310. С. 81–87; Топчибаши А. М. Парижский архив 1919–1940. Кн. 1: 1919–1921. М., 2016. С. 7–8; Шмелев А. В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака. 1918–1919. СПб., 2017. С. 38.

⁴ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919. М., 2009. С. 378–385; Смолин А. В. У закрытых дверей Версальского дворца. С. 64, 68; Иоффе Г. Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. 2009 № 21 (3). URL: http://www.nivestnik.ru/2009_3/13_ioffe_13.shtml (дата обращения: 17.05.2020).

⁵ Листиков С. В. Мир без России: представительство Белого движения на Парижской конференции // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 1. С. 15–30.

⁶ «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка, 1919–1951: в 3 т. Т. 1. М.; Стэнфорд, 2001.

⁷ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. София, 1921. С. 67.

⁸ Телеграмма Ю. В. Ключникова — М. Н. Гирсу. 22 ноября 1918 г. № 112 // ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 609. Л. 17.

- ⁹ В документах «общественной» части Делегации даже перечисление членов давалось в ином порядке: Львов, Чайковский, Сазонов и Маклаков.
- ¹⁰ В Управление делами Верховного Правителя и Совета Министров. 28 февраля 1919 г. № 356 // ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 265. Л. 23.
- ¹¹ Совет министров Российского правительства. Журналы заседаний. Т. 2: 18 ноября 1918 — 3 января 1920 г.: сб. документов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2016. С. 220.
- ¹² В Управление делами Верховного Правителя и Совета Министров. 28 февраля 1919 г. № 356 // ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 265. Л. 23.
- ¹³ И. И. Сукин — В. А. Маклакову (для Сазонова от Верховного правителя), 4 марта 1919 г. № 176/119 // АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 245.
- ¹⁴ В. А. Маклаков — Е. П. Демидову, 21 ноября 1918 г. № 401 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. № 3523. Л. 109.
- ¹⁵ *Полнер Т. Е.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001. С. 419.
- ¹⁶ *Деникин А. И.* Национальная диктатура и ее политика // Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991. С. 47.
- ¹⁷ Там же. Также см: ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 148. Л. 25.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.
- ¹⁹ С. Д. Сазонов — П. В. Вологодскому, 20 марта 1919 г. № 7 // ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 16. Л. 96.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 66. Л. 54.
- ²¹ Протокол РПС от 8 февраля 1919 г. // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 36.
- ²² Записная книжка Н. В. Чайковского за 1919 г. // ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.
- ²³ LRA/MS 1500: ZEMGOR Archive.
- ²⁴ Доклад Чайковского Временному правительству Северной области // ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 487. Л. 92–93.
- ²⁵ Там же. Л. 93–95; ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 487. Д. 576. Л. 7.
- ²⁶ И. И. Сукин — В. А. Маклакову для кн. Львова. 23 июля 1919 г. № 70 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3532. Л. 8.
- ²⁷ В. А. Маклаков — адм. Колчаку в Омск, после 7 июля 1919 г. Дополнение к телеграмме № 1539 // ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 313. Л. 13.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 7 октября 1919 г. // «Совершенно лично и доверительно»... Т. 1. С. 119.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 604. Л. 32.
- ³¹ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 7 октября 1919 г. // «Совершенно лично и доверительно»... Т. 1. С. 119.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 120.
- ³⁵ Карандашный отрывок из письма Б/А от 14 сентября 1919 г. // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 92.
- ³⁶ Записная книжка Н. В. Чайковского за 1919 г. // ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 9. Л. 128.
- ³⁷ *Мельгунов С. П.* Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 134.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 576. Л. 1–2.
- ³⁹ Доклад Н. В. Чайковского Временному правительству Северной области // ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 487. Л. 43–44.
- ⁴⁰ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 7 октября 1919 г. // «Совершенно лично и доверительно»... Т. 1. С. 121.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 2. М., 1993. С. 338–339.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 576.
- ⁴⁴ Там же. Л. 1–2.
- ⁴⁵ Там же.

- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 66. Л. 31–32.
- ⁴⁷ Полнер Т. Е. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. С. 416.
- ⁴⁸ ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 576. Л. 4.
- ⁴⁹ Совет министров Российского правительства. Журналы заседаний. 18 ноября 1918 — 3 января 1920 г. Ч. 2. С. 575–576.
- ⁵⁰ Проект неопосланной телеграммы Верховному Правителю в Омск // ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 576. Л. 3.
- ⁵¹ Там же. Л. 3–6.
- ⁵² Доклад Н. В. Чайковского Временному правительству Северной области. Л. 95.
- ⁵³ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 7 декабря 1919 г. // «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 131.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Доклад Н. В. Чайковского Временному правительству Северной области. Л. 95.
- ⁵⁶ Телеграфный журнал Российской Делегации в Париже // LRA. MS 1500.
- ⁵⁷ Русская делегация в Париже — С. А. Шателену, 11 сентября 1919 г. № 560 // ГА РФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 240. Л. 6.
- ⁵⁸ Министр — Е. В. Саблину, 3 октября 1919 г. № 2483 // LRA. MS 1500; ГА РФ. Ф. 8313. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
- ⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 240. Л. 7–9.
- ⁶⁰ Министр — минидел в Омск, копия Нератову в Таганрог, 2 октября 1919 г. № 2474/231 // LRA. MS 1500.
- ⁶¹ Конференция, или Совещание послов, — орган, который был создан по решению Верховного совета Антанты 13 декабря 1919 г. для рассмотрения практических вопросов, возникающих в ходе осуществления Версальского мирного договора с Германией.
- ⁶² ГА РФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 240. Л. 29–30.
- ⁶³ Нота по поводу договора шведского консорциума с русскими кооперативами (10 июня 1920 г.); нота в связи с началом торговых переговоров Лондона с Москвой (17 июня 1920 г.) // ГА РФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 240. Л. 51–55, 57.
- ⁶⁴ Донесение ген. Щербачёва ген. Деникину. 15 ноября 1919 г. № 11563 // ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 42. Л. 39.
- ⁶⁵ Е. В. Саблин — С. Д. Сазонову 17 мая 1920 г. / Из архива организаторов интервенции в России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 102.
- ⁶⁶ К. Д. Набоков — В. А. Маклакову, 13 января 1920 г. // ГА РФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 191.
- ⁶⁷ Б. Э. Нольде — К. Н. Гулькевичу, 25 декабря 1919 г. // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.
- ⁶⁸ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 12 марта 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 184.
- ⁶⁹ К. Е. Замен — М. Н. Гирсу, 4 июня 1920 г. № 836 // ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 592. Л. 3.
- ⁷⁰ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 12 марта 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 184.
- ⁷¹ Там же. С. 185.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 27 февраля 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 182.
- ⁷⁴ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 30 марта 1920 г. // Там же. С. 196.
- ⁷⁵ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 25 марта 1920 г. № 175 // ГА РФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 271.
- ⁷⁶ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 30 марта 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 196.
- ⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 279, 285, 287.
- ⁷⁸ Политическое совещание закрылось в июле 1919 г. В данном случае аноним путает понятия «Политическое совещание» и «Политическая делегация».
- ⁷⁹ Справка. 10 февраля 1920 г. // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 72. Л. 12.
- ⁸⁰ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 27 февраля 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 182.

- ⁸¹ А. Акимов — И. Н. Ефремову, 20 января 1920 г. // ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 60. Л. 6–15.
- ⁸² *Врангель П. Н.* Воспоминания: в 2 ч. 1916–1920. М., 2006. С. 410.
- ⁸³ А. И. Щербатский — министру, 17 апреля 1920 г. № 162 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 201 об.
- ⁸⁴ А. А. Чупров — П. Б. Струве, 6 июня 1920 г. // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 117. Л. 53.
- ⁸⁵ А. А. Нераторов — В. А. Маклакову, 22 апреля 1920 г. № 178 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 223 об.
- ⁸⁶ Н. В. Чайковский — Миллеру, 20 июня 1920 г. № 126 // ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 271. Л. 11.
- ⁸⁷ *Соколов К. Н.* Правление генерала Деникина. С. 249.
- ⁸⁸ Последние новости (Париж). 1920. 17 нояб., № 175.
- ⁸⁹ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 24 ноября 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 280.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 7 декабря 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 307.
- ⁹² В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 24 ноября 1920 г. // Там же. С. 278–279.
- ⁹³ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 8 декабря 1920 г. // Там же. С. 318.
- ⁹⁴ М. Н. Гирс — В. Н. Крупенскому, 4 января 1921 г. // LRA. MS 1500.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2020 г.

Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Миронова Е. М. Русская политическая делегация. 1919–1920 гг. // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 4. С. 871–891. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.403>
УДК 94(481).082

Аннотация: В статье на материалах российских архивов и Русского архива университета г. Лидс (Великобритания) прослеживаются этапы деятельности Русской политической делегации (РПД), созданной в 1919 г. Русским политическим совещанием (РПС) в Париже для непосредственного участия в заседаниях Парижской мирной конференции. Деятельность РПД была санкционирована Верховным правителем России адмиралом А. В. Колчаком. Освещен вопрос о формировании РПД, в состав которой вошли кн. Г. Е. Львов, Н. В. Чайковский, В. А. Маклаков, С. Д. Сазонов. По обстоятельствам, от нее не зависевшим, Делегация не получила возможности участвовать в Конференции. Ее деятельность на международной арене оказалась весьма ограниченной. Однако после роспуска РПС РПД продолжила свою работу, заявив претензию на статус зарубежного центра Белого движения. В статье уделено внимание ситуации, сложившейся внутри Делегации. Общественники потребовали от Омского правительства отстранить министра иностранных дел Движения С. Д. Сазонова. А. В. Колчак принял решение сохранить за своим правительством контроль за зарубежными представительствами, С. Д. Сазонова на посту министра, при этом просил Делегацию продолжить работу. В конце 1919 — начале 1920 г. РПД удалось фактически возглавить зарубежное представительство Белого движения. Однако с проблемами, стоявшими на повестке дня, она не справилась. Последние заявления РПД относятся к концу 1920 г., периоду эвакуации Русской армии барона Врангеля из Крыма. Анализ деятельности Делегации дает представление о проблемах, которые были характерны для Движения в целом и в конечном счете сыграли свою роль в его поражении.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Русское политическое совещание, Политическая делегация, Париж, Версаль, Парижская мирная конференция.

Сведения об авторе: *Миронова Елена Михайловна* — канд. ист. наук, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия); alena.stankina@mail.ru

Институт всеобщей истории РАН, Россия, 119334, Москва, Ленинский пр., 32а

FOR CITATION

Mironova E. M. 'Russian Political Delegation, 1919–1920', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 871–891. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.403> (In Russian)

Abstract: Using materials from Russian archives as well as from the Leeds Russian Archive (Great Britain), this article traces stages of activity of the Russian Political Delegation (RPD). The Delegation was established in 1919 by the Russian Political Meeting (RPM) in Paris for direct participation in the Versailles Peace Conference. Its activities were authorized by Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia. The article covers the formation of the RPD, which included Prince Lvov, N. V. Tchaikovsky, V. A. Maklakov, and S. D. Sazonov. Due to circumstances beyond its control, the Delegation did not get the opportunity to participate in the conference, and its international activities were quite limited. However, after the dissolution of the Russian Political Meeting, the Russian Political Delegation continued its activities, claiming the status of the foreign center of a White Movement. Its ranks aggravated the split between public figures and the Minister of Foreign Affairs of the Movement: social activists wanted the government of Omsk to remove S. D. Sazonov. Admiral Kolchak decided to retain control of his government over foreign missions, keep S. D. Sazonov as Minister, and asked the delegation to continue its work. In fact, in late 1919 and early 1920, the Russian Political Delegation managed to head the foreign mission of the White Movement. However, it was unable to cope with problems standing on its agenda. G. E. Lvov and N. V. Tchaikovsky, who used the situation of the Delegation members to influence affairs, diligently supported its existence. The last statements of the Russian Political Delegation refer to the end of 1920, the period of evacuation of the Wrangel's army from Crimea. Analysis of the RPD's activities provides an insight into challenges that in general were characteristic of the Movement and that eventually played their role in its defeat.

Keywords: Civil War, White Movement, Russian Political Meeting, Political Delegation, Paris, Versailles, Paris Peace Conference.

Author: *Mironova E. M.* — PhD in History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); alena.stankina@mail.ru

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky pr., Moscow, 119334, Russia

References:

- 'Completely personal and confidential!': B. A. Bakhmetev — V. A. Maklakov: *Correspondence, 1919–1951*, in 3 vols, vol. 1 (Moscow — Stanford, 2001). (In Russian)
- Council of Ministers of the Russian Government, Meeting logs, November 18, 1918 — January 3, 1920* (Novosibirsk, 2016). (In Russian)
- Gins G. K. *Siberia, allies and Kolchak* (Beijing, 1921). (In Russian)
- Listikov S. V. 'A world without Russia: representation of the White Movement at the Paris conference', *Vestnik MGIMO*, no. 1, 2009. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2009-1-4-15-29> (In Russian)
- Melgunov S. P. N. V. *Tchaikovsky during the Civil War* (Paris, 1929). (In Russian)
- Mironova E. M. *From the Pevcheskiy Bridge to Grenelle Street. 1917–1918* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Mikhailovsky G. N. *Notes. From the history of the Russian foreign policy department. 1914–1920* (Moscow, 1993). (In Russian)
- Nam I. V. 'International aspects of the national policy of the Russian government (November 1918 — 1919)', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 310, 2008. (In Russian)
- Polner T. E. *Life path of Prince Georgy Evgenievich Lvov* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Shmelev A. V. *Foreign Policy of Admiral Kolchak Government. 1918–1919* (St. Petersburg, 2017). (In Russian)
- Smolin A. V. At the closed doors of the Palace of Versailles (St. Petersburg, 2017). (In Russian)
- Sokolov K. N. *General Denikin's reign* (Sofia, 1921). (In Russian)
- Topchibashi A. M. *Paris Archives 1919–1940*. Book 1: 1919–1921 (Moscow, 2016). (In Russian)
- Tsvetkov V. Zh. *White Movement in Russia. 1919* (Moscow, 2009). (In Russian)

Received: August 1, 2020

Accepted: September 6, 2021